

ЛИЛИЯ ОРЛАНД

A young man and woman are shown in profile, kissing on a beach. The man is on the left, wearing a white t-shirt and blue jeans. The woman is on the right, wearing a pink top and blue jeans, with her long blonde hair blowing in the wind. The background is a bright blue sky with clouds and a calm sea.

Люби меня
ЧЕРЕЗ ГОДЫ

КНИГА 1

Лилия Орланд

Люби меня через годы. Книга 1

Серия «Люби меня через годы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57576966

SelfPub; 2020

Аннотация

Мне семнадцать. Тот самый возраст, когда хочется самостоятельности, а все считают ребёнком... Кроме одного человека. Новый отчим решил, что только матери ему маловато. Спасаясь от его навязчивого внимания, я уехала к отцу. Чёрное море, заботливый отец рядом... Казалось бы, что может пойти не так? Оказалось, начать жизнь с чистого листа просто лишь в книгах, а в реальности нужно постараться, чтобы отвоевать себе место под солнцем. Особенно, если в противниках обозлённый сын местного мэра.

Автор обложки Оксана Северная

Содержание

1	4
2	9
3	14
4	20
5	26
6	32
7	37
8	42
9	48
10	56
11	65
12	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

1

Моя мама влюбилась.

Как я узнала об этом? Она привела в нашу квартиру видного мужчину, лет на пять моложе себя. Он был высокий, красивый и сразу почувствовал себя хозяином в доме.

– Саша, познакомься, это Виктор – мой друг, он будет жить с нами, – грянул гром среди ясного неба.

Виктор расселся на диване и по-хозяйски осматривал гостиную, пока мама хлопотала, накрывая на стол.

– Ты чего такая смурная? – со смешком поинтересовался он, наблюдая, как я переключаю каналы телевизора. – Парень бросил?

Я посмотрела на него, делая вывод, что этот товарищ – дебил, и как мама могла повестись на такого? А после продолжила щёлкать пультом.

– Включи спорт, сейчас футбол начнётся, – потребовал Виктор.

Но я уже нашла канал, где начался мой любимый сериал про девочку-детектива, и не обращала внимания на маминого дружка, пока не ощутила его дыхание на своей щеке.

Виктор подошёл ко мне со спины и так низко наклонился, что я почувствовала мерзкий запах его одеколona.

– Крошка, – прошептал он мне на ухо, – я попросил включить спорт.

И забрал пульт у меня из руки, коснувшись моих пальцев и сжав их. Я выдернула ладонь и выбежала из комнаты.

– Саша, ты куда? – мама с тарелкой салата растерянно смотрела мне вслед. – А ужин?

– Я не голодна, – буркнула чуть грубее, чем собиралась, и закрылась в своей комнате.

Ну а потом понеслось...

С мамой Виктор был плюшевым зайчиком. Он встречал её с работы, помогал донести сумки. Даже как-то сходил в аптеку, когда у неё разболелась голова. Она была на седьмом небе от счастья, поэтому я долго молчала о другой, тёмной, стороне её возлюбленного.

Май уже подходил к концу, Витюша, как она его называла, жил с нами бесконечных две недели.

Было раннее утро. Мама убежала на смену в больницу. А я принимала душ перед школой. Высушила волосы и закуталась в просторный махровый халат с толстым ворсом. Канули те времена, когда я могла разгуливать по дому в одном полотенце.

Виктор был в моей комнате, стоял у моего стола и держал в руках мою книгу. Услышав шаги, он обернулся.

– Любишь Булгакова? – мазнул взглядом по халату и остановился на моём лице. Уверена, презрение, которое я испытывала, было на нём хорошо видно.

Витюша положил книгу на стол и двинулся ко мне. Я сделала шаг назад. Шаг ко мне. Шаг от него. Это было бы похо-

же на танец, если б сердце не билось так испуганно.

Что-то уперлось мне в поясницу, и я обернулась. Подоконник. Я отступала не в ту сторону.

– Чего ты такая колючая? – прошептал он совсем рядом. – Не любишь меня? Ничего, полюбишь. Я умею находить подход к маленьким сучкам.

Я отпихнула его и бросилась прочь из комнаты. Закрылась в ванной и сидела там пока не услышала, как хлопнула входная дверь. Только тогда вернулась в свою комнату, села на кровать и разрыдалась.

Что мне делать?

После школы отправилась к матери в больницу. Ждать до завтра, оставаясь с Витюшей наедине, я не могла.

– Что-то случилось? – взволнованная мама выскочила из лифта и бросилась ко мне. – Почему ты пришла?

Она была в голубой униформе врача, которая очень ей шла. Волосы чуть растрепались из-за спешки, глаза блестели от волнения, щёки покраснелись из-за беспокойства. Моя мама очень красивая и умная женщина. Она ещё встретит своего единственного. Обязательно.

Сейчас я ей расскажу, а она позвонит Витюше и велит ему убираться из нашей квартиры. Она меня любит, переживает за меня и всё поймёт.

– Твой парень приставал ко мне...

То, как изменилось её лицо, я никогда не забуду. Исчезли беспокойство и тревога, сменившись злобой.

– Ты всё врешь! – это обвинение было хлестким как пощёчина. Оно разбивало мои надежды вдребезги. Мама мне не поверит. Но в тот момент я ещё не осознала это до конца, поэтому продолжила свои обвинения. Даже не знаю, на что я тогда надеялась.

– Он подкараулил меня сегодня, когда я вышла из ванной, зажал в углу и шептал всякие непристойности...

Кажется, ожог я почувствовала раньше, чем заметила движение её руки. Пощёчина? Мама, нет, пожалуйста. Из глаз потекли слёзы. А надежду сменяла ненависть. В этот момент мне очень хотелось, чтобы Витюша надругался надо мной, а лучше убил, чтобы мама стояла над моим телом и так же плакала, как я сейчас, жалея, что не услышала меня.

– Я счастлива с ним и не позволю тебе всё испортить, – это было похоже на шипение змеи.

Где-то я читала, что влюблённая женщина перестаёт быть матерью и начинает видеть в дочери соперницу. Но никогда не думала, что с моей мамой может случиться нечто подобное. Было очень горько осознавать, что самый родной человек, который должен меня защищать, смотрит сейчас вот так, как на врага.

Я развернулась и выбежала из больницы. Больше мне здесь делать было нечего.

Ночевать отправилась к Ирке. Мы дружили с пятого класса и знали все секреты друг друга. Я рассказывала ей о предательстве матери и Витюшиных намёках. А Иркина мама

принесла нам какао и бутерброды с сыром. И от осознания, что о ком-то так трепетно заботятся, я разревелась.

Было очень обидно и грустно. И совершенно непонятно, что делать дальше.

2

На следующий день после школы мне пришлось вернуться домой. Мама смотрела виновато и прятала взгляд, а вот Витюша делал вид, что ничего не случилось.

Я прошла в свою комнату, закрыла дверь и включила музыку погромче. Не хотелось слушать, как они там воркуют, от этого в груди сжимался какой-то комок, мешая дышать.

Стук я не услышала, только увидела, как открылась дверь и вошла мама.

– Поговорим? – она опустилась на кровать рядом со мной.

– Я уже всё сказала вчера. В больнице, помнишь? А ты мне уже всё ответила...

– Ну почему? Почему ты такая?! – мама вскочила. Она явно была расстроена. – Почему ты не хочешь, чтобы я была счастлива?!

– А почему ты не хочешь, чтобы счастлива была я?

– Надеюсь, ты образумишься.

Она выскочила из комнаты, хлопнув дверью. А я осталась сидеть под тревожные звуки виолончели Олафура Арнальдса. Мне бы тоже хотелось, чтоб ты образумилась.

Наша жизнь окончательно превратилась в кошмар. Постоянные скандалы, крики и ругань. После школы я старалась подольше погулять с друзьями или отправиться в гости, лишь бы не возвращаться домой. Особенно, если мать была

на работе. А если она оставалась на ночное дежурство, ночевала у подруг.

Витюша больше не распускал руки, не делал мне двусмысленных предложений, но постоянно находился поблизости, на расстоянии прикосновения. А ещё смотрел, когда думал, что я не вижу. Не могу подобрать описания этим взглядам, но после мне хотелось принять душ, чтобы смыть липкую гадостную муть со своей кожи.

Это очень нервировало и до дрожи пробиравало меня.

Я поставила замок на дверь своей комнаты. Мама ругалась и возмущалась, но мне к тому моменту уже было всё равно. Я находилась на грани нервного срыва из-за постоянного напряжения и поисков выхода. И наконец решилась позвонить отцу.

С папой я уже много лет практически не общалась, если не считать редких звонков, поздравлений с днём рождения и алиментов, которые он исправно платил с момента развода. Я его вообще плохо помнила, потому что они с мамой разошлись, когда мне было четыре года. И отец почти сразу уехал на юг.

Я долго думала, прежде чем решиться позвонить ему и попросить о помощи. Всё же я почти ничего не знаю о его жизни. Вдруг он счастливо женат, родил кучу детишек, а я им всё испорчу.

Но он согласился и даже не ставил никаких условий. Просто сказал: «Приезжай». Дело осталось за малым – уговорить

маму.

Разумеется, она была категорически против, для неё бывший муж являлся олицетворением дьявола, разрушившего её жизнь. На уговоры мне понадобилось два месяца лета. И, как ни странно, в этом мне помог Витюша.

В тот памятный день я обещала девочкам фотосессию. До начала учебного года оставалось ещё три недели, погода была отличной – самое то, чтобы подурачиться на зелёной парковой лужайке.

Мать вдруг вызвали в больницу, и мы с Витей на какое-то остались вдвоём.

Я крутилась перед зеркалом, собираясь, и вдруг заметила, что дверь моей комнаты приоткрыта, а в щель заглядывает любопытный глаз. Испуга больше не было, только гнев. Холодный и яростный.

Я медленно повернулась и взяла со стола кружку, в который был всё ещё горячий чай. Так же медленно подошла к двери, а затем рванула её на себя и выплеснула напиток прямо в лицо ошалевшему Витюше.

Он заорал благим матом и бросился в ванную. А я подхватила сумочку, быстро сунула ноги в босоножки и рванула из дома.

Мы отлично провели день с подругами. Я снимала их на лужайках и аллеях Летнего сада. Светка и Ирка дурачились со статуями, затащили меня смотреть представление кукольника, а потом в «Макдоналдс».

– Слушай, этот Витюша – вообще, козёл, – резюмировала Ирка, когда я поделилась с ними своими жизненными сложностями.

– Фу, старый извращенец, – поддержала её Света.

– А что мать сказала?

Я пожала плечами.

– Не знаю, видимо, вечером будет разговор, если он решится ей рассказать. Хотя сомневаюсь, он ведь подглядывал за её семнадцатилетней дочерью...

Спустя несколько часов, уже вечером, остановилась у парадной. Помедлила, доставая ключи. Возвращаться было немного страшновато. Кто знает, что там Витюша надумал.

Но встретила меня разъярённая мама. Она сидела на стуле в моей комнате и нервным жестом выравнивала стопку тетрадей на столе.

– Привет, мам, – я поставила сумку с камерой и села на кровать. Судя по тому, что она ждала меня здесь, разговор пойдёт о Вите.

– Зачем ты это сделала? – говорила она негромко, но чувствовалось, что мама едва сдерживается.

– Что именно? Дала отпор извращенцу? – у меня не было желания её жалеть.

– Не смей так говорить! – мать взвилась со стула и в два шага оказалась рядом со мной. – Виктор – хороший, честный и порядочный человек! А ты испорченная...

– Твой Витя подглядывал за мной! – перебила её, изнутри

поднималась удушливая волна обиды – ну почему она всегда принимает его сторону?

– Витя просто проходил мимо! А ты плеснула ему в лицо кипятком! Как ты могла?!

– Ну не такой уж и кипяток, раз он сумел пожаловаться, – я усмехнулась, и тут же щёку обожгла ещё одна хлёткая пощёчина. Это становится семейной традицией...

Мы с матерью уставились друг на друга, словно не в силах поверить, что это действительно произошло.

– Саша, прости... – начала было она, но эти слова уже не имели никакого значения.

Я удобно расположилась на кровати, взяла с тумбочки ноутбук и, подключив наушники, запустила «Веронику Марс». Эта девчонка была по-настоящему крутой и умела абстрагироваться от неприятностей.

Мать постояла ещё некоторое время у кровати, глядя на погружившуюся в сериал меня, а затем вышла из комнаты. Сожаление и раскаяние, которые уловила краем глаза, давали мне определённые надежды. И я не ошиблась – через несколько дней мама провожала меня на самолёт.

3

Четыре часа в небе, одна пересадка, и вот я в Анапе.

Отец ответил после второго звонка и сообщил, что застрял в пробке. Ещё минут тридцать, может, сорок.

– Я подожду тебя на улице, – ответила ему. Подхватила чемодан на колёсиках, поставила на него сумку, закинула на плечи рюкзак и устремилась к знакомству с солнечным югом.

В прямом смысле солнечном. Оказавшись снаружи, я мгновенно ослепла. Зажмурилась и прикрыла глаза рукой, но было уже поздно. Остаться в проходе я не могла, потому что снующие туда и обратно люди толкали меня и ругались. Поэтому сделала несколько быстрых шагов в сторону, надеясь прижаться к надёжной стене.

Но прижалась к мужскому телу, точнее налетела на него, споткнувшись. Незнаемый покачнулся и издал невнятный звук, похожий на вскрик. Затем я услышала стук пластика по асфальту, шум мотора и шуршание шин – всё это почти одновременно.

– Нет! – вскрикнула моя опора и попыталась броситься в сторону этих звуков, но помешала я, не успевшая выпустить из рук его одежду.

Мы оба упали на бетонное покрытие. Точнее я на чемодан, а мужское тело на меня. Несмотря на всю эту неразбериху, хруст пластика прозвучал так отчётливо, что и слепо-

глухонемому стало бы понятно – случилось страшное.

Глаза уже более-менее приспособились к яркости освещения, и я повернула голову на звук. Мамочка моя... под колёсами подъехавшего такси лежал... айфон. Кажется, десятый или даже одиннадцатый...

Во рту мгновенно пересохло, по горлу прошла судорога. Я сглотнула и посмотрела на парня, всё ещё продолжавшего полулежать на мне.

Пока он с отчаянием глядел на свой почивший телефон, я успела хорошо рассмотреть загорелое лицо, мужественный профиль, каштановые волосы, выгоревшие на кончиках, и красивые глаза янтарного цвета, которые наконец обратились на меня. И теперь в них бушевала гроза.

Я бы попятилась назад, вот только отступать было некуда, и так лежала на спине, рюкзаке и чемодане. А все углы, края и неровности впивались мне в рёбра, поясницу и ещё в одно более мягкое место.

– Извините, – тоненько пискнула и попыталась пошевелиться, намекая, что мне неудобно так лежать под ним.

Но он только переместил центр тяжести и схватил рукой мою футболку у самого горла.

– Ему было два дня, – выдохнул парень мне в лицо и пообещал: – Убью.

Причём произнёс это так уверенно, что я сразу и безоговорочно поверила – убьёт. Несмотря на жару, по коже пробежал озноб. Лишившийся телефона незнакомец находился

слишком близко от меня и просто излучал опасность. Ему нужно только чуть поднять руки, чтобы обхватить ими мою нежную шею. Я так явно представила себе это, что почти поверила в подобное развитие событий. А взгляд парня не оставлял сомнений, что этот вариант прокручивался и у него в голове.

Мою юную жизнь спас грузный пожилой таксист, который высунулся в открытое окошко и поинтересовался:

– Таксы ты заказывал?

– Я! – чуть ли не вскрикнула от радости. – С вещами помогите, пожалуйста.

Пока он выбирался из машины, мы с моим визави обменялись взглядами. Его – гневный, метающий в меня молнии, мой – ехидный, говорящий «ну и что ты мне теперь сделаешь?».

И вообще, я нечаянно и уже извинилась. Сам виноват, надо крепче держать свои дорогие игрушки.

Парень демонстративно разжал пальцы и, покрутив ими у моего лица, сжал в кулак так сильно, что костяшки побелели. Убедившись, что угроза до меня дошла, он поднялся на ноги, прекратив наконец придавливать меня своим телом.

Я тоже сумела принять вертикальное положение и тут же переместилась за чемодан с сумкой. Хоть какая-то преграда от взбешённого незнакомца. Когда мои вещи подхватил таксист, спряталась за его широкой фигурой.

Уже подходя к машине, обернулась. Незнакомец-без-те-

лефона безотрывно смотрела на меня. В ответ на мой взгляд он гаденько улыбнулся, и от этой улыбки мороз пробежал по коже уже во второй раз среди душного августовского дня.

– Я тебя найду, – негромко пообещал он. Но я услышала и поверила, найдёт и убьёт.

Но это будет позже. А сейчас пожилой армянин дал мне отсрочку от казни. Надеюсь, этот загорелый расстроенный незнакомец уже завершил свой отдых и теперь летит домой. Желательно куда-нибудь подальше, так, чтобы наши пути никогда больше не пересеклись.

Я позвонила отцу и сообщила, что еду в такси. Он даже обрадовался и продиктовал адрес, сказал, что вернуться домой ему будет гораздо проще, чем добраться до аэропорта.

Машина остановилась у двухэтажного дома с зелёной крышей. Вдоль забора снаружи росли неизвестные мне хвойные деревца, постриженные конусом. А внутри пестрели плодами яблони и, кажется, персики. Больше отсюда было не разглядеть.

Я расплатилась с таксистом и осталась одна перед калиткой. Не выдержав, привстала на носочки и заглянула внутрь. Выложенная плиткой дорожка, по обе стороны от неё простой зелёный газон. Никаких цветов. Чуть дальше те самые плодовые деревья. Одну из стен дома увивали, забираясь на крышу, виноградные лозы, увешанные тяжёлыми тёмными кистями.

Здесь чувствовалась только мужская рука. Похоже, мой

отец не женат.

– Ну здравствуй, Саша, – он подошёл неслышно, и я вздрогнула от испуга, обернулась.

– Здравствуй, папа.

Какое-то время мы рассматривали друг друга. Я почти не помнила его внешность, и сейчас он мне понравился. Мой отец был привлекательным мужчиной. Высоким, подтянутым, со светлыми взлохмаченными волосами, большим носом, когда-то сломанным в драке, и голубыми, как у меня, глазами.

Он смотрел на меня и улыбался. А я поняла – папа рад меня видеть.

– Пойдём в дом, – он легко подхватил мои тяжеленные вещи, над которыми таксист потел и кряхтел, намекая, что следовало бы доплатить за неподъёмную ношу.

Я двинулась за отцом, жадно впитывая цвета, запахи, виды. Здесь я буду жить следующий год, если, конечно, не произойдёт ничего непредвиденного.

Моя комната располагалась на втором этаже. Она мне сразу понравилась, хоть и была не слишком большой. У меня была удобная кровать, застеленная мягким плюшевым покрывалом с какими-то экзотическими цветами. Был шкаф для одежды. Письменный стол и полки для книг. Комод, а на стене над ним – собственный телевизор.

Правда, цвета обоев были мрачноватые – серо-лиловые, но отец сказал, что я могу здесь всё поменять по своему вку-

су.

Как только он ушёл, упала на кровать, раскинула руки и улыбнулась.

Ну здравствуй, мой новый дом!

4

– Саш, мой руки и спускайся! Сейчас будет обед! – папин окрик застал меня за перекладыванием вещей в шкаф.

– Иду! – обед был бы весьма кстати, потому что, кроме непонятной булочки в самолёте, я сегодня ничего не ела.

Кухня была большой, чистой и современной. Стильные шкафы скрывали посуду, большой холодильник тихонько гудел в углу. А на стеклянном столе на шестерых стоял набор из солонки с перечницей и две широких плоских тарелки.

Едой совсем не пахло. Похоже, папа не часто использует это место по назначению.

– Ты звал меня поесть или приготовить еду? – не могу удержаться от иронии.

Он обернулся и вопросительно посмотрел на меня.

– Ты умеешь готовить?

– Конечно.

На его лице отразилось такое облегчение, что я рассмеялась. Отец тоже смущённо улыбнулся и признался.

– Ну не даётся мне кухонная премудрость. Всё или сгорит, или остаётся сырым. Если ты возьмёшь на себя готовку, спасёшь нас обоих от гастрита.

– Окей, я люблю готовить. Только продукты нужны.

– Вечером поедем в гипермаркет... – он не договорил, потому что раздался дверной звонок, и отец умчался откры-

вать.

Вернулся довольный, с двумя коробками пиццы.

– Вот и наш обед, садись, – махнул мне.

Я села на указанное место и дождалась ароматного куска с перцем, салями и свисающим паутинками сыром.

– Ну как?

Супер. Я подняла большой палец, продолжая жевать. Папа удовлетворённо кивнул, тоже не забывая откусывать от своей доли.

Это было классно и ново для меня. Мама не признавала фаст-фуд, особенно, на обед.

Чувствую, мы с отцом поладим.

Мы весело болтали обо всём и ни о чём одновременно. Причём оба старались не упоминать маму, чтобы избежать неловкости. Для меня ещё слишком свежо было предательство, а отец... Чем он руководствовался, я не знаю.

Оказывается, папа взял сегодня отгул, чтобы провести день вместе и познакомиться со мной. Поэтому, покончив с пиццей, мы отправились на море.

Этот момент был очень волнительным. Море я видела один раз, когда мне исполнилось два или три года. Тогда мои родители ещё были вместе, и мы отдыхали на юге всей семьёй. Затем они развелись. И мама больше ничего не хотела слышать о море, видимо, воспоминания были слишком болезненными.

Разумеется, той, давней поездки я не помнила. Поэтому

сегодня знакомясь с морем заново. Оно было тёплым и солёным, укачивало меня на своих больших волнах, а ещё сверкало солнечными бликами до самого горизонта.

Отец установил меж камней большой пляжный зонт, и я пряталась под ним от палящего солнца между заходами в воду.

Мой папа очень хорошо плавал и не боялся заплывать далеко от берега, в то время как я плескалась на мелководье, заходя максимум по грудь.

– Ты не умеешь плавать? – предположил он, понаблюдав за моими плесканиями.

– Не умею, – а чего тут отрицать? – мама и слышать ничего не хотела о море...

– Ничего, мы это исправим, – пообещал отец. – У нас поблизости есть отличный бассейн. Завтра позвоню своему знакомому. Если хочешь, конечно.

Я была спокойна, расслаблена и, кажется, впервые за долгое время счастлива. У меня оказался отличный папа, который не давил, не воспитывал, спрашивал, чего я хочу, и учитывал моё мнение. Почему я раньше не напросилась к нему жить?

После моря мы отправились закупаться продуктами. На втором этаже торгового центра располагалась фуд-зона. И сначала мы решили перекусить там. Выбор был не слишком большим, и я предложила попробовать анапскую «Крошку-картошку». Оказывается, папа её никогда не ел, потому

что раньше не замечал, и очень обрадовался возможности попробовать что-то новое.

Он отправился заказывать еду, а я заняла нам столик в центре зала. Расположилась на небольшом диванчике и достала телефон. Подруги наверняка уже изнывали от любопытства, как я долетела и устроилась. Да и маме не мешало бы позвонить.

Голос долетел до меня со спины, заставив сонмы мурашек бежать по плечам и спине.

– Шоколадное с печеньем, ванильное с карамелью и малиновое. Посыпьте орешками. А ты что будешь?

Я осторожно обернулась. Он стоял у «БаскинРоббинс» вместе с девушкой, которая никак не могла выбрать мороженое, интересуясь количеством калорий в каждой порции.

Вот за что мне такое «счастье»? Я же была хорошей девочкой.

Значит, мой телефонный незнакомец ещё не улетел домой. Наверное, он встречал в аэропорту свою девушку.

А она ничего – высокая, ему под стать, огненная копна тёмно-рыжих волос, потрясающая фигура, ухоженная, стильно одетая. В общем, мне такой никогда не стать, только завидовать. Стоп, с чего бы это мне завидовать этой девушке? Вообще ни одной причины не вижу.

Я перевела взгляд на него. Одет в белую футболку и узкие голубые джинсы, подчёркивающие длину ног и стройность фигуры. На шее короткий кожаный шнурок с какой-то под-

веской, слишком далеко, чтобы рассмотреть точнее. Волосы слегка взъерошены, как будто кто-то только что прошёлся по ним пятернёй.

– Ещё немного, и мы опоздаем на сеанс, – судя по голосу, он даже не раздражался, так, констатировал факт. Но затем не выдержал и обратился к парнишке-продавцу: – Дай ей обезжиренное мороженое. Любое.

Девушка надула губки и отвернулась.

Всё-таки он красивый, но злой. Мнена его пути лучше не попадаться. Вряд ли этот любитель айфонов простит свою потерю. Хотя, если подумать, я там не особо и виновата. Просто так звёзды сложились.

Он повернулся, и я резко нырнула под стол, даже не успев подумать. Задела виском угол и прямо почувствовала, как от удара расходится вибрация внутри головы.

– Саша, с тобой всё в порядке? – отец выбрал идеальный момент, чтобы вернуться.

– Всё нормально, – пискнула, не поднимаясь, – телефон уронила.

– Так вот же он, на столе, – удивился папа. Вот ведь наблюдательный!

Осторожно подняла голову и посмотрела в сторону «БаскинРоббинс». Там уже никого нет. Окинула взглядом фудкорт и увидела их уже в конце зала, у самого выхода в кинотеатр.

Фух, ушёл.

Но в этот момент незнакомец обернулся и тоже посмотрел в зал. Наши глаза встретились на короткое мгновение. Я увидела, как на его лице мелькают, сменяя друг друга, эмоции: удивление, узнавание, гнев. А затем девушка потянула его за руку и что-то сказала, уводя в проход кинотеатра.

И только, когда они оба скрылись из виду, я поняла, что всё это время задерживала дыхание.

Перевела взгляд на отца, который всё это время внимательно наблюдал за мной.

– Какие-то проблемы? – поинтересовался он словно бы невзначай. Я потрясла головой и тут же поняла, что делаю это слишком активно, чтобы не вызывать подозрений.

Надо срочно перевести тему.

– Я так проголодалась, слона бы съела, – сняла с подноса еду и поставила его на пустой столик по соседству.

– Саша, – отец очень серьёзно произнёс моё имя, и я подняла на него взгляд. – Если у тебя возникнут какие-то проблемы в школе или ещё где-то, ты же расскажешь мне? Я помогу, что бы ни случилось.

– Спасибо, – кивнула и тут же опустила глаза, смутившись прозвучавшей серьёзности.

И почему я так долго не знакомилась со своим отцом? Не знаю, что произошло у них с мамой, но, по-моему, он отличный парень.

5

Оставшиеся две недели перед школой я посвятила знакомству с городом. Отец предоставил мне в пользование свой велик, и я колесила на нём по дорогам и тропам.

Природа здесь была потрясающей, совершенно не похожей на привычную мне, порождению каменных джунглей. Особенно меня завораживало море. Кажется, могла бы часами любоваться на игру ветра с волнами.

Ещё никогда я так много не фотографировала. Карта памяти на шестьдесят четыре гигабайта была почти полностью заполнена. Нужно остановиться и разобрать фото.

Но остановиться было почти невозможно, каждый новый поворот открывал потрясающий вид – здесь соединялись горы, море и обширные долины, усеянные маленькими домиками.

Эти две недели, когда я колесилана велосипеде моего отца с фотокамерой и снимала окрестности Анапы, были наполнены настоящим, ничем не замутнённым счастьем. Так вот какое оно.

В перерывах между фотографированием и изучением окрестностей я отдыхала на пляже. Перепробовав разные места, остановилась на Высоком берегу. Это было недалеко от дома, и людей меньше, чем на песках.

Я загорела, сбросила лишние три килограмма, которые

мучали меня весь десятый класс, и чувствовала себя новым человеком.

Мне нравилось жить с отцом. Он не доставал меня, не пытался контролировать каждый шаг. Ему было всё равно, что я готовлю, лишь бы это оказалось съедобным. Как-то я спросила, чего бы он хотел на обед. И папа сказал: «Хочу сюрприз. Мне нравится, когда ты меня удивляешь».

И я старалась удивлять его каждый день. Перерыла массу кулинарных сайтов. Устраивала дни национальных кухонь. Изощрялась в декорировании блюд. Это доставляло мне удовольствие. Так приятно было смотреть, как отец видит сервировку стола, пробует первый кусочек. Его эмоции, такие живые, искренние. Ему нравилось, на самом деле нравилось то, что я делала. Потому что он знал, что это для него так стараюсь.

Мне очень хотелось снимать отца в эти моменты. Но пока стеснялась его об этом просить. Думаю, со временем из него получится отличная модель.

Правда, мы проводили вместе не слишком много времени, потому что папа постоянно работал. Он тоже был врачом, как и мама. Я уже почти выучила его график: два дня с девяти до трёх и два дня с трёх до девяти. И ещё две ночи в неделю он дежурил в городской больнице.

Но всё равно он находил время, чтобы побыть со мной. Мы ходили на пляж, в кино и кафе. Отец кое-что рассказывал о своей жизни, а я делилась своими воспоминаниями. И

чувствовала, он тоже рад, что я приехала.

Так незаметно и пролетели последние две недели лета. А первого сентября я пошла в школу.

Мы уже были здесь с отцом, когда подавали документы. Вот тогда-то я и узнала, как здорово, когда твой папа – врач и спас жизнь кому-то из родных директора школы. Ведь иначе меня вряд ли приняли бы перед самым началом учебного года.

Сегодня здесь творился настоящий дурдом. Впрочем, как и в моей прежней школе. Двор заполнили дети и подростки. Все бегали, кричали, толкались.

Я знала в лицо своего классного руководителя – Марию Анатольевну Коваленко – и выискивала её в толпе. О, вот она, что-то выговаривает двум рослым парням. Двинулась в ту сторону. Но какой-то десятилетка промчался мимо и сбил меня с ног. Я едва не упала и уронила сумку.

– Эй! Осторожней! – крикнула ему вслед, но кто меня услышит в таком шуме.

– Будь внимательней, ты в эпицентре апокалипсиса, – незнакомая девочка весьма экзотической внешности протягивала мне сумку.

– Спасибо, – наверное, было невежливо её рассматривать вот так в упор, но уж слишком необычной была её внешность: чёрные волосы, большие тёмно-карие глаза, высокие скулы, смуглая кожа и для контраста – ослепительно-белые зубы. Турчанка? Цыганка?

– Не за что, – улыбнулась девушка. И я поняла, что она очень симпатичная. – Какой класс ищешь?

– Одиннадцатый «А».

– Супер, и я тоже, – она снова сверкнула зубами. – Меня зовут София Харалампиди.

Кажется, при наборе звуков, которым показалась её фамилия, у меня отвалилась челюсть. Нет, правда, я никогда ничего подобного не слышала. Может, она пошутила?

– Это фамилия или шутка? – всё-таки решила задать вопрос.

– Ты приезжая? – поняла она.

– Да, я недавно приехала к отцу.

– Тогда понятно. Я гречанка. В школе много греков, так что быстро привыкнешь.

– А, понятно. – тоже улыбнулась ей. Надо же – гречанка. – А я Александра Барановская. Будем знакомы, одноклассница.

– Ты откуда приехала?

– Из Питера.

– Здорово! Я очень люблю Питер. Там такие фонтаны и дворцы...

Я вздохнула, приготовившись слушать о летней поездке в Петергоф, но тут мы добрались до дислокации нашего класса.

– Мария Анатольевна, здравствуйте, я вам новенькую привела, – София поспешила к учительнице, а я, как на бук-

сире, шла за ней следом. Получалось, что и правда она меня привела.

– Здравствуй, Саша, – Коваленко запомнила меня, уверена, только потому, что ей нравился мой отец, и она не оставляла надежды закрутить с ним роман.

– Здравствуйте, – я разглядывала одноклассников.

Парни, все как на подбор, высокие, широкоплечие и загорелые. Девушки были поразнообразнее. Несколько нежных незабудок, пара толстух и с десятков ничем не примечательных девиц. Гречанка в нашем классе, похоже, была одна.

– Кого нет? – спросила Мария Анатольевна.

– Логинова и Яворской, – доложила полненькая миловидная девушка с толстой русой косой почти до пояса.

– Спасибо, Катя. Как обычно. Можно считать, что все собрались.

Прозвенел звонок, и на импровизированную сцену вышла директор школы – Яна Александровна Павличук. Она была высокого роста, грузная, с «ракушкой», из которой не выбивалось ни одной волосинки. Костюм сидел так же идеально, и я решила, что его шили на заказ.

Директриса рассказывала всякую чушь об учёбе и прилежании, чести и долге и ещё много всего, что я пропускала мимо ушей, предпочитая разглядывать остальных учеников.

Школа была большой, здесь училось полторы тысячи человек. И все они сейчас собрались на площадке внутреннего двора.

– Логинов! Наконец-то! – раздался рядом голос классной руководительницы. – Ты можешь хотя бы раз не опоздать для разнообразия?

Я обернулась, чтобы увидеть, кого она там распекает, и застонала.

Нет, только не это...

6

Логинов встал прямо за мной. Я не видела его, но чувствовала спиной, тем, как поднялись волоски на моей коже от едва ощутимого дыхания.

– Неужели ты специально нашла меня, чтобы вручить новый айфон? – прошептал он мне на ухо, так, чтобы не слышал никто из окружающих нас одноклассников.

Повернулась вполоборота и посмотрела в его наглые холодные глаза:

– Мне показалось, это ты преследуешь меня, Логинов, – даже не попыталась говорить тихо. Мне было всё равно. Этот кретин теперь что, весь год будет донимать меня своим дурацким айфоном?

– Для тебя я Ярослав Михайлович и на «вы», запомни это.

– Для меня ты никто, Ярослав Михайлович, запомни ЭТО.

– Эй, Логин, оставь девчонку в покое. Чего прицепился? Она ж новенькая.

Мне пришлось повернуть голову в другую сторону. Рядом с ненавистным мне айфонщиком стоял коротышка чуть выше меня ростом и с вызовом смотрел, задрвав голову вверх.

А я-то думала, у нас в классе все богатыри. Но богатыри молчали, а этот метр с кепкой вступился за меня.

– Слышь, Барчук, когда мне понадобится твоё мнение, я

спрошу, – Ярослав угрожающе склонился к коротышке.

– Логинов! Барчук! А ну прекратили! – Мария Анатольевна пресекла конфликт в зародыше. И как заметила? Ведь стояла с противоположного края.

– Мы ещё договорим, – угрожающе шепнул мне Ярослав и растворился где-то позади, среди одноклассников.

– Что ему от тебя надо? – место Логинова тут же занял Барчук.

Я пожала плечами:

– Да не живётся ему спокойно, вот и лезет.

– Если будет доставать, жалуйся мне. Я Саша, – он протянул руку. Поскольку сам Барчук стоял позади меня, выглядело это довольно необычно – его ладонь прошла между моим боком и предплечьем и выглянула спереди. Я пожала её левой рукой сверху и улыбнулась:

– Я тоже.

– Тёзка! Шутить? – уточнил Саша, тоже улыбаясь. Я покачала головой. Какие уж тут шутки. – Ну давай дружить, тёзка.

– Давай, – а почему бы и нет. Друзья мне сейчас не помешают.

Переезд в другой город в последнем классе школы – это, я вам скажу, весьма сомнительное удовольствие. И хотя у меня не было другого выбора, всё равно какое-то щемящее чувство потери отыскало меня сегодня. Пришло оно именно здесь, в школе, где всё так похоже на мою прежнюю жизнь и

в то же время так разительно отличается.

Я ведь родилась и выросла в Питере и впервые уехала так надолго. Нет, не подумайте, мне понравилось в Анапе, понравилось жить с отцом. Просто я немного скучала по своим подругам. Да ещё и этот Логинов взелся на меня. И ведь вряд ли так просто отстанет.

Прозвенел звонок, и мы беспорядочной толпой двинулись в школу. Ещё одно отличие: в прежней нас строили и разводили по классам в строгой последовательности.

Меня догнала и пристроилась рядом София с непроизносимой фамилией, которую я уже успела забыть.

– Хочешь, сядем вместе? – спросила она, и я кивнула. Почему нет? Мне всё равно придётся с кем-то сидеть, пусть уж это будет симпатичная мне София, чем какой-нибудь Логинов. Брр. Даже передёрнуло от одной только мысли.

Поняла, чем София мне понравилась – она была ниже ростом. Хотя при своих ста шестидесяти сантиметрах я всегда была самой низкорослой и на физкультуре стояла последней. Физрук никогда не называл меня по имени, только «замыкающая», и это ужасно бесило.

Занятий сегодня не было. Только классный час. И, если бы не София с её забавными и зачастую едкими комментариями, я б наверняка заснула от скуки. А у моей новой соседки – острый язык и отличное чувство юмора. Она нравилась мне всё больше.

На повестке дня, как объявила Мария Анатольевна, сто-

или несколько вопросов. Сначала выбрали старосту, ею уже который год стала Оля Степаненко со слишком глубоким вырезом декольте.

– То, что в вырезе, начало у неё расти только в конце прошлого года. И теперь бедняга не может поверить, что грудь действительно выросла, вот и демонстрирует всем направо и налево, заодно и сама любит, – комментировала София.

Я хихикнула и посмотрела на Олю, обладательницу не слишком длинной, но довольно пышной светло-русой косы. Теперь мне казалось, что, отчитываясь перед классом, он то и дело смотрит на свою грудь, словно проверяя, на месте ли она.

Вторым вопросом было составление графика дежурств. И вот этого я не ожидала.

– А как же уборщицы? Не справляются? – поинтересовалась у своей соседки.

– Уборщицы моют полы, – сообщила София, – а всё остальное мы сами делаем. Это, – она назидательно подняла указательный палец, – дисциплинирует и учит уважать чужой труд.

Мы обе прыснули и привлекли внимание классной.

– Девочки на четвёртой парте, хотите дежурить первыми? Я закачала головой, но было уже поздно.

– Сегодня в дежурстве нет необходимости, а завтра после уроков приступаете.

О нет. Завтра у отца выходной, и мы хотели поехать ку-

да-нибудь после школы.

Я посмотрела на класс, оценивая реакцию на наше с Софией незапланированное дежурство, и споткнулась о колючий взгляд Логинова. Он сидел в противоположном конце класса, на последней парте у самой двери и прожигал во мне дырку глазами.

Надо узнать, сколько стоит новый айфон, может, тогда он от меня отцепится. Всё-таки почти год быть ежедневно обливаемой ведром ненависти это выше даже моих закалённых в борьбе с Витюшей сил.

Лучше б на свою соседку пялился. Рядом с ним сидела та самая девица, что не могла выбрать мороженое. Но она смотрела в телефон и, казалось, вообще никого вокруг не замечала.

Я отвела взгляд и попыталась сосредоточиться на словах Коваленко, вдруг скажет что-то важное. Но злой взгляд Логинова продолжала чувствовать, от него волоски вставали дыбом. Раньше со мной такого не было.

Я снова повернулась в его сторону. Так и есть, смотрит, почти не мигая. Показала ему язык и отвернулась. Вот ведь придурок.

Из школы я сбежала, пока остальные толкались у расписания. Завтра посмотрю, какая разница – уроков всё равно ещё не было, как и заданий. Нашла в поисковике ближайший магазин с яблоковской техникой и двинула туда.

Но на выходе со школьной территории меня ждала засада, прислонившись спиной к столбику ограждения и сложив руки на груди. Я попыталась сделать вид, что не замечаю Ярослава, и пройти мимо. Безуспешно. Он сделал шаг вперёд, перекрывая мне путь.

– Куда-то спешишь?

– Да, спешу, уйди с дороги, – получилось грубо, но близость Логинова меня нервировала. Я огляделась, вокруг не было видно ни одного человека. Вот влипла.

– А если не уйду, тогда что? – он издевался и продолжал заступать мне путь, опережая все мои попытки обойти его.

А и правда, что? Пожаловаться классной? И что сказать? Ярослав не проявлял агрессии, не приставал, не оскорблял, он просто не позволял мне пройти. Как это можно классифицировать? Может, попробовать с ним договориться?

– Ладно. Что ты хочешь?

– Вот так намного лучше, – усмехнулся Логинов, и я поняла, что мне не понравится его ответ. – На следующей неделе мы устраиваем женский бой. Ты должна участвовать. Бу-

дет весело.

– Какой ещё женский бой? – я оторопело уставилась на Ярослава. – О чём ты вообще?

– Да ничего особенного, просто подурочишься с другой девчонкой в купальнике в тёплой водичке на закате. Ничего страшного. Обещаю, тебе даже понравится, – он двусмысленно улыбнулся и подвигал бровями. И мне это уже не нравилось.

– Мой ответ – «нет».

– Да ладно ты, не ерепенься. Ничего плохого не будет. Может, ещё и денег заработаешь. Если победишь, конечно, – теперь его голос изменился, в нём появились вкрадчивые нотки, которые обволакивали меня, уговаривали поступить так, как он хочет.

– А может, я куплю тебе новый айфон, и ты от меня отстанешь навсегда? – иронии не получилось, в моих словах слышался вызов. Даже я его ясно различала.

– У тебя есть лишняя сотка?

– Сколько? Да ни один телефон не может так стоить!

– А ты проверь, – теперь он нагло ухмылялся, уверенный, что я соглашусь на его условия.

– Эй, тёзка, этот придурок к тебе пристаёт? – ох, как же я была рада это слышать.

– Ещё как пристаёт, – обернулась к подошедшему Саше, которого в пылу разговора мы даже не заметили.

– Логинов, отвяжись от девушки, ты ей не нравишься. –

Барчук был на голову ниже оппонента, но почему-то чувствовал себя уверенно. И если бы дело дошло до драки, не знаю, на кого бы я поставила. Вот ведь блин! И сама про ставки на бои уже думаю!

– А может, я ей нравлюсь, просто она сама ещё не поняла? – от взгляда, которым одарил меня Ярослав, окатило волной мурашек. Ну уж нет, такой, как он, мне никогда не понравится.

– Если девушка говорит «нет», это означает «нет», и никаких вариантов. – парни ещё какое-то время померялись взглядами, а затем я взяла Барчука под руку и потянула в сторону.

– Пошли отсюда, Саш.

Ярослав не двинулся с места, только хмуро смотрел нам вслед. И пока я чувствовала этот взгляд, руку одноклассника почему-то не выпускала.

– Может, это не моё дело, но что-то Логинов слишком часто вокруг тебя отирается. Я бы на твоём месте был осторожнее. Мало ли что он задумал. С этим мутным типом лучше держать ухо востро.

– Спасибо за совет, Саш. – произнесла я таким тоном, чтобы стало ясно – это точно не его дело. Нет, конечно, я была благодарна за помощь и всё такое, вот только Барчука я знала не больше, чем Ярослава. И он мог оказаться таким же мутным типом.

Барчук норовил проводить меня до дома, но мне не хоте-

лось светить, куда я направляюсь. Поэтому постаралась максимально вежливо избавиться от него.

В магазине мне легче не стало. Наоборот. Логинов говорил правду, эта дурацкая игрушка стоила в районе ста тысяч. У меня не было таких денег.

Папа, правда, взял за правило давать мне немного на карманные расходы, но даже если я совсем ничего не буду себе покупать, всё равно такую сумму накоплю года через два-три. Но и согласиться на этот унижительный бой я не могла. А в том, что он закончится для меня унижением, даже не сомневалась. Ведь я не смогла бы справиться даже с семилетним ребёнком.

Домой шла, погружённая в раздумья. Надо постараться найти какой-то выход из этой ситуации и избавиться от пристального внимания Логинова.

Ярослав и сам не смог бы объяснить, что заставляло его находить новенькую взглядом и совершать те глупые, нелогичные поступки, что он совершал. Вот и сейчас увидев, что она не бросилась, как все смотреть расписание завтрашних уроков, а двинулась к выходу из школы, Логинов рванул за ней.

Убедившись, что Саша собирается идти вокруг, через центральные ворота, он побежал напрямую к калитке для персонала, закрывавшейся на кодовый замок. Он даже не

был уверен, что девушка повернёт направо, а не налево. Это было просто необъяснимый порыв.

Услышав её шаги, Логинов ухмыльнулся – он молодец, всё правильно рассчитал – и заступил девчонке путь.

Что он от неё хотел? Это Ярослав и сам вряд ли сумел бы внятно объяснить. И дело было даже не в айфоне. Это всего лишь дорогая игрушка, которой мать, как обычно, откупалась от него.

В том, что касалось этой новенькой, им двигали какие-то инстинкты, древние, как сама жизнь, и такие же непонятные.

Ярослав даже не понимал, зачем предложить ей участвовать в женских боях. Просто вдруг представил её в купальнике и предложение вырвалось само по себе. Но затем, подумав, сколько ещё парней увидят её, он обрадовался, что Саша отказалась.

Появление Барчука вызвало глухое раздражение. Коротышка должен был заметить, что Ярослав первым зашёл на эту территорию, но сигнал опасности он напроочь проигнорировал. И теперь должен был ответить за это.

С Барчуком они раньше не ссорились, но и не общались, вращаясь в разных кругах, хотя тот был тоже из обеспеченной семьи. Но сейчас Логинов явно чувствовал соперника, и это бесило. Хотя, если бы Ярославу напрямую сообщили об этом, он бы только посмеялся над подобными предположениями и покрутил пальцем у виска. А то и приложил бы в глаз дураку, посмевавшему даже заподозрить подобную ересь.

8

– Пап, ты ещё дома?

Из кухни донёсся какой-то неопределённый звук, и я двинулась туда.

Отец стоял над сковородкой жареной картошки и ел её, накалывая вилкой.

– Пап, помоги мне найти работу, – это решение пришло по пути домой. Я ведь могу заработать денег и откупиться от Логинова.

– А как же школа? – удивился отец.

– Буду работать после уроков.

– Ты ведь ничего не натворила? Может, мне нужно о чём-то знать? – он смотрел на меня испытующе, словно в чём-то подозревал и ждал, что признаюсь.

– Па-ап, – укоризненно протянула я.

– Дочь, я должен был спросить. Вы, подростки, такие быстрые и неожиданные, – он усмехнулся. – Сам был таким же.

– Па-ап, – повторила я.

– Ладно, я посмотрю, чем смогу помочь, – согласился он. – Одна моя клиентка недавно жаловалась, что няня её дочери выскочила замуж и уехала в Геленджик. Я позвоню ей.

– Спасибо, – я вытащила вилку у него из руки. – Давай я накрою на стол, и мы вместе поедим.

После обеда отец ушёл на работу. Он вернётся ближе к десяти, а значит, я буду одна весь вечер.

Позвонила подругам, вспомнили былые деньки. Они спрашивали меня о школе и новых знакомых. Я рассказала о гречанке Софии, о коротышке Барчуке, но вот о Ярославе почему-то промолчала. И вообще, этой историей делиться ни с кем не хотелось. Казалось, что она касается только нас двоих.

Первым уроком была алгебра, которую я не любила чуть меньше, чем геометрию, химию и физику. Точные науки мне вообще не давались. Поэтому просто сидела, мечтательно глядя в окно. София, наоборот, была увлечена предметом, и это давало мне надежду, что в случае необходимости смогу списать у неё.

Правда, и потом легче не стало. Мария Анатольевна рассказывала о тяжёлой жизни и силе духа Николая Островского, который был закалённым как сталь, и к следующему уроку задала прочесть этот роман.

А потом пришла эсэмэска от папы, меня ждали после шестого урока по указанному адресу. Он нашёл мне работу! Радость тут же погасла – после шестого урока меня также ждало дежурство в классе. Пришлось перенести встречу на час позже и познать все радости уборки старыми дедовскими способами.

По адресу в эсэмэске я почти летела, жалея только, что не поехала на велике.

Сначала меня встретил металлический забор с кованым цветочным орнаментом, в центре располагались автоматические ворота с кнопкой звонка, над которым красным глазком мигала камера видеонаблюдения. Я немного нервничала, что на меня посмотрят, сочтут недостаточно солидной и не откроют. Но ворота гостеприимно разъехались в стороны, и я вошла внутрь.

Дом был кирпичный, в три этажа, с большим эркером по центру. Я уже представила, как здорово было бы жить в такой полукруглой комнате, сколько там света, благодаря шести большим окнам, расположенным по периметру.

Входная дверь открылась, приглашая меня войти. На пороге стояла хозяйка.

Татьяна Виктора мне, скорее, понравилась, чем нет. Думаю, мы сумеем поладить, хотя она и казалась чересчур властной дамой. Она была в теле, но довольно ухожена, одета в дорогой костюм, а над её причёской явно только сегодня утром колдовал хороший парикмахер.

Хозяйка дома отнеслась ко мне приветливо, расспросила о Питере, о моих впечатлениях об Анапе, где я раньше работала. В общем, провела тотальный допрос, после которого я чувствовала себя выжатой как лимон. Вывернув меня наизнанку, Татьяна Викторовна наконец удовлетворилась результатами «собеседования», как она это назвала.

– Пойдём, познакомлю тебя с дочерью, – удостоилась я высочайшей чести.

Шестилетняя Милена играла в саду. Здесь у неё был свой домик под старым раскидистым платаном. Я с трудом сдержала восхищённый вздох. Да только ради того, чтобы здесь поиграть, можно согласиться на эту работу, даже без всякой оплаты.

– Милена, выйди, пожалуйста, и познакомься со своей новой няней, – вежливо, но с завуалированным приказом велела Татьяна Викторовна.

Девочка вышла из домика и подошла ко мне.

– Здравствуйте, – произнесла она тихо и робко улыбнулась.

– Привет, Милена, меня зовут Саша. У тебя очень классный домик, можно мне с тобой там поиграть?

Девочка вопросительно взглянула на маму и, получив её одобрителный кивок, ответила:

– Да.

– Ну пошли, покажешь мне свои владения.

Мы с Татьяной Викторовной договорились, что для начала я проведу с её дочерью два часа, чтобы оценить свои педагогические ресурсы. Это её слова, не мои. Я у себя о подобных ресурсах и не подозревала. Но с Маленой мы нашли общий язык, и все эти два часа провели, играя в её домике.

В нём было три стены, отсутствующая четвёртая позволяла контролировать кукольную жизнь снаружи. Первый этаж был высоким: Милена могла стоять в нём в полный рост, мне же приходилось сгибаться почти пополам.

Здесь располагалась гостиная со скамейкой детского размера. Она была застелена покрывалом и выполняла обязанности дивана. Рядом стоял маленький столик с кукольным чайным сервизом, а у стен – две деревянные табуреточки.

На второй этаж вела узкая лестница. И там располагалась спальня нашей принцессы, которую звали Летиция. У неё были белокурые волосы, голубые глаза с опускающимися веками, если положить куклу на спину, и чудесное лиловое платье.

Летиция тепло приветствовала меня в своём скромном дворце и пригласила на королевское чаепитие. Я так увлеклась игрой и общением со своей маленькой подопечной, что не заметила, как пролетели два часа.

Татьяна Викторовна посмотрела одобрительно на наши довольные лица и пригласила меня попробовать настоящего чая. В дом мы с Милой шли, держась за руки, и весело болтали.

Неожиданно на меня налетел торнадо, толкнул и опрокинул на пол.

– Герда, фу! – кричала хозяйка дома.

– Герда, отстань, – вторила ей Милена своим тонким голоском.

А огромная питбулиха прижала меня к холодной плитке и с упоением вылизывала лицо.

– Извините, это собака сына, он должен увести её гулять, но всё ещё не вернулся из школы, – Татьяна Викторовна с

трудом оттащила псину за ошейник. Она выглядела смущённой. Хозяйка, не питбулиха, та, напротив, продолжала радостно скалиться и стучать хвостом по стене.

– Ничего, я люблю собак, – услышав это, серое чудовище высунуло язык от радости и попыталось совершить ещё одну попытку знакомства, к счастью, безуспешно. Татьяна Викторовна повела её наверх, чтобы запереть в комнате.

А мы с Миленой двинулись в сторону кухни. Я облегчением вытерла облизанное лицо тыльной стороной руки. Сердце всё ещё колотилось где-то в районе пяток.

Домой я возвращалась довольная, в кармане похрустывала новенькая купюра. Так к концу года легко накоплю нужную сумму.

Я уже подошла к углу и готовилась за него завернуть, как на меня кто-то налетел, грубо толкнув плечом. Обернулись мы одновременно, неверяще уставившись друг на друга.

– Ты что здесь делаешь?

– Ты следишь за мной?

Прозвучало почти в унисон.

– Что ты здесь делаешь? – повторил Ярослав, схватил меня за локоть и сильно сжал.

Я резко выдернула руку и оттолкнула его.

– Отстань от меня, Логинов! Ты понял?! – выкрикнула почти ему в лицо и бросилась прочь по улице.

9

Я бежала, пока хватало дыхания. Затем пошла медленнее, но то и дело оборачивалась. Этот Логинов! Откуда он узнал, где я буду? Нет, он точно следит за мной.

Домой я примчалась взεροшенная и взбешённая. Даже папа поинтересовался, всё ли у меня нормально в школе. Я кивнула, но успокоиться так и не могла, поэтому после обеда села на свой велик.

Что может быть лучше, чем мчаться по-над морем с космической скоростью, представляя себя одной из чаек, кружащихся над волнами? В последнее время я подседа на такие поездки. Они не только помогали отвлечься, но и настраивали на позитивный лад. Я развеялась, успокоилась и приняла решение. Буду игнорировать Ярослава, сколько смогу, но если этот самоуверенный болван захочет войны, он её получит.

На следующий день я принесла в школу камеру, поскольку пообещала Софии, что снимаю её в перерыве. Она утверждала, что некрасивая и плохо выходит на фотографиях, а мне не терпелось доказать ей обратное.

На русском мы рассматривали то, что мне удалось заснять во время катаний на велике, и обсуждали вполголоса. Софии нравились мои пейзажи, а я наслаждалась похвалой. Появление Марии Анатольевны мы благополучно пропустили.

– Что у вас здесь такое интересное? – она нависла над пар-

той.

София смутилась и покраснела, судорожно стискивая карандаш.

– Фотографии, – я с вызовом подняла голову. Конечно, получилось немного неловко, но после уроков мне нужно сидеть с Миленой, поэтому времени пообщаться у нас с Соней не будет. И особо виноватой себя не чувствовала.

– Покажи, – заинтересовалась Мария Анатольевна.

Пару секунд я раздумывала, окажется ли Коваленко достаточно здравомыслящей, чтобы не разбить мой дорогуший «Кэнон» с новым объективом. Но потом решила, наша классная показалась мне весьма разумной.

– Ну что ж, очень неплохо, – вынесла она вердикт. – Подойди ко мне после уроков. А чтобы ты не забыла, фотоаппарат полежит пока на моём столе.

Вот ведь ведьма. И с чего я решила, что она разумная?

– Жаль, что так получилось, – Сонька проводила училку с камерой печальным взглядом.

– Да уж, обломалась твоя фотосессия, – прошептала я, оборачиваясь на Ярослава, который наблюдал за этой сценой насмешливым взглядом. – Вот козёл.

– Что ты сказала? – София пыталась сосредоточиться на орфографических виражах, выводимых на доске нашей классной, но отвлекалась на меня.

– Слушай, Сонь, а что за тип этот Логинов?

Она тоже оглянулась на Ярослава, которому в этот момент

рыжеволосая красotka что-то шептала на ухо. Судя по его довольной роже, это было нечто приятное.

– Богатенький мажор, его мама – наш мэр.

– Да ладно! – забывшись, чуть не повысила голос от удивления.

Так вот значит, кому я перешла дорогу. Неудивительно, что он на меня взъелся. Наверняка привык, что все перед ним стелятся из-за мамочки, а тут я вся такая неведающая, что обидела самого анапского принца. Зато теперь многое стало понятным.

– А что за девица вцепилась ему в ухо? – от этого зрелища мне становилось неприятно.

– Кристина Яворская, та ещё стерва, они встречаются несколько месяцев. Говорят, что они уже это самое... – Со-ня подвигала бровями. Выглядело это забавно, но мне было не смешно. Значит, он спит с этой крашеной куклой? Ну и пусть спит, мне всё равно.

Но мысли о нём отвлекали, не давая сосредоточиться на уроках. Как-то слишком много этого мэрского сынка в моей новой жизни. А ведь я приехала сюда как раз за тем, чтобы сбежать от проблем. Но они снова нашли меня, только изменив форму и содержание.

Меня смущало то, что Логинов не предпринимал активных действий. Его нападение позволило бы мне определиться и ответить ударом на удар. Первой я войну никогда не

начинала. Но он почему-то медлил, тянул, заставляя меня нервничать и сомневаться. А войны ли он хочет?

После уроков зашла в наш кабинет за камерой и недовольно застыла в дверях – Мария Анатольевна мило беседовала... как думаете, с кем? Ну разумеется, с милым мальчиком Ярославом, чтоб он в сортире застрял на пару дней.

Я развернулась, собираясь уходить, чтобы зайти позже, когда классная освободится. Не было ни малейшего желания снова обмениваться с ним взглядами. Но меня остановил голос Коваленко:

– Саша, заходи, мы как раз о тебе беседуем.

Что? Только этого мне и не хватало! Что эти двое могут обсуждать за моей спиной?

– Садись, Саша, – Мария Анатольевна указала мне на парту прямо перед своим столом.

Чуть помедлив, я опустилась на стул слева, на котором писали первые варианты контрольных. Стул справа занимал Логинов. При моём появлении у него даже мускул не дрогнул. Всё это время он сидел с нечитаемым выражением лица. Я подвинула стул немного влево, чувствовала себя в западне, чисто физически хотелось увеличить расстояние между нами.

– Александра, надеюсь, ты простишь моё любопытство, – начало мне совсем не понравилось, – я просмотрела твои фотографии на ноутбуке...

Ах, она рылась в моей камере?! Что с этими учителями не

так? А как же личное пространство? Индивидуальные границы? Частная собственность, наконец!

– ...И они мне очень понравились. Думаю, ты нам подойдёшь. Мы возьмём тебя в «Вестник первых»... – после этого утверждения последовала многозначительная пауза.

Коваленко смотрела на меня так, как будто я должна уже начинать её благодарить за оказанное доверие. А я должна?

– Судя по твоему взгляду, ты не знаешь, что это такое, – Мария Анатольевна улыбнулась.

– А должна? – посмотрела на неё скептически.

Ситуация откровенно начала меня напрягать. Со мной говорят какими-то загадками, оказали мне сомнительную честь и приняли туда, не знаю куда. Ещё и этот Логанов... Он как раз напрягал больше всего. Одним своим присутствием. А ещё тем, что сидел рядом, молча, не двигаясь, не поворачиваясь ко мне, но я всё равно чувствовала на себе его взгляд.

– Расскажи о «Вестнике», Ярослав, – мягко попросила классная, и Логинов повернулся ко мне.

И вот тут я поняла, что раньше не до конца представляла значение выражения «чувствовать его взгляд», потому что сполна ощутила его сейчас – тягучий, густой, цвета гречишного мёда, и я, как муха, увязала в нём, не в силах вырваться из его сладкого плена.

– «Вестник первых» – наша школьная газета, – пояснил он мне, глядя тёплым янтарным взглядом прямо мне в душу. –

Мария Анатольевна – наш редактор. Весной между школами проходят соревнования по журналистике, тираж газеты-победителя будет напечатан в городской типографии и распространён среди горожан. Ну и это большой плюс в резюме.

Странно, когда Логинов заговорил о газете, его взгляд совсем переменялся. Как будто это был совершенно другой Ярослав, увлечённый любимым делом, стремящийся показать себя и победить в соревнованиях.

Мне пришлось приложить усилие над собой, чтобы отвернуться и вырваться из этого янтарного плена. Этот Ярослав действовал на меня каким-то непонятным образом, и мне это совсем не нравилось.

– А я тут причём? – сказала грубее, чем собиралась, но это помогло мне немного стряхнуть наваждение.

– Нам нужен фотограф, – с торжеством сообщила Коваленко, так, словно положила последний кусочек паззла, нанесла последний мазок на картину, добавила последнюю ноту в сюиту. В общем, создала шедевр, в котором не хватало лишь заключительного штриха – Александры Барановской.

– И что от меня требуется? – кажется, здесь стоило бы проветрить.

– В субботу в заповеднике «Утриш» пройдёт открытие нового экологического маршрута, вы обаяете туда. Ты сделаешь серию снимков, а Ярослав напишет статью.

– А почему именно Ярослав? – в классе становилось совсем мало воздуха.

– Он наш лучший репортёр, – довольно улыбнулась классная. – Если мы хотим выиграть соревнования, то должны публиковать только первосортные работы.

Ну теперь всё понятно.

Я с грохотом отодвинула стул и рванула к окну. Ручку заело, и она никак не хотела открываться. Широкая ладонь накрыла мою, заставляя замереть и затаить дыхание от неожиданности. Да, я испугалась, Логинов подкрался слишком тихо. Он влез в моё личное пространство и напугал меня. Больше ничего. Ничего!

Ну же, возьми себя в руки, Александра!

Я потянула руку и наконец освободилась из плена.

Ярослав открыл окно.

– Спасибо, – буркнула ему и вернулась на своё место.

Мне казалось, что он всё заметил – моё смущение, непонятный жар, от которого вдруг вспыхнули щёки. Я не понимала, что со мной творилось, и от этого оно нравилось мне ещё меньше.

– А если откажусь? – от ответа Коваленко зависело многое, поэтому я уставилась прямо ей в глаза. Любой блеф, даже просто попытка выдаст её. Я раскушу пустое желание надавить на меня и уйду.

– Скажем так... – Мария Анатольевна смотрела мягко, но решительно, она не врала, хотя и не хотела мне угрожать. – Если ты согласишься, у тебя будут очень высокие шансы получить пятёрки по русскому и литературе в итоговом атте-

стате.

«А если откажешься, ни одного шанса не будет», – мысленно закончила я за неё. И всё-таки это шантаж.

– Хорошо, я согласна, – поднялась, перекинула через плечо сумку, подхватила с учительского стола свою камеру и направилась к выходу.

У самой двери я оглянулась и наткнулась на медовый взгляд Логинова. Образ мухи тут же всплыл в голове. Она уже слабо барахталась, всё глубже увязая в тягучей сладкой субстанции.

Я потрясла головой, прогоняя видение. Да пошёл он! Даже дверь хлопать не стала, просто плотно закрыла её за собой.

На велике добралась до дома своей подопечной всего за пять минут. Похоже, велосипед теперь – моё любимое средство передвижения. А пока ехала, проветрила мозги и нервы. Подумаешь, съездим с ним в этот заповедник, напишем вместе пару статей. И что из того? Это всего лишь школьное задание. К тому же там наверняка будет толпа людей и красоты природы. От меня требуется только фотосъёмка.

В общем, к дому Милены я подъехала совершенно спокойная и в хорошем настроении.

Татьяна Викторовна уже ушла на работу, и дверь мне открыла домработница Марина. Это была женщина средних лет, с чересчур ярким макияжем и объёмным шиньоном, выкрашенным в красно-каштановый цвет. Чем-то она неуловимо напоминала фрекен Бок из «Карлсона».

Впрочем, поздоровалась домработница вполне приветливо, и я решила пока не записывать её в разряд монстров.

– Саша пришла! – Милена только что была наверху лестницы и вот уже сжимала меня в крепких и искренних детских объятиях. Прямо телепорт, а не ребёнок.

– Привет, малявка, – я провела рукой по её косичкам, подобные нежности немного сбивали меня с толку. – Чем сегодня займёмся?

– Марина учит меня печь торт к маминому дню рожде-

ния, хочешь с нами? – в её глазах стояла мольба, как будто я могла отказаться. Эта девочка совершенно не воспринимала меня как прислугу. А я слышала, что дети богатых родителей часто поступают именно так. И это казалось странным – Милена совсем не была капризной, избалованной девочкой. Напротив, она поражала своей искренностью и неиспорченностью.

– Конечно, хочу, – не могла не улыбнуться в ответ.

Мелкая просияла, схватила меня за руку и потащила в кухню. Войдя внутрь, я как будто оказалась в эпицентре маленького армагеддона. На всех поверхностях стояли чашки, чашечки, миски и кастрюльки, с содержимым и без него. Мойка была заполнена горой использованной посуды до самого крана. К тому же все столы, дверцы шкафов и даже пол были усыпаны тонким белым слоем.

– У вас произошло извержение мучного вулкана?

– Скорее, вулканическая активность одной маленькой девочки, – пояснила, улыбаясь, Марина, а малявка, устроившая кавардак в кухне, радостно захихикала. Ещё бы, её ж сравнили со стихийным бедствием.

– Это я чихнула, – похвасталась она.

– Ну будь здорова!

– Сейчас мы крем доварим и начнём убираться, – пояснила фрекен Бок, помешивая содержимое небольшой кастрюльки на плите, а стоявшая на детском стульчике Милена согласно закивала. Мол, точно всё уберём.

Когда раздался звонок у входной двери, только я ещё сохранила чистые руки, не перепачканные в креме или муке. Поэтому открывать отправили меня.

С улыбкой я шла по просторному холлу. Мне определён-но повезло и с работой, и с подопечной. О чём-то подобном можно было только мечтать: я интересно провожу время с приятной девочкой и ещё получаю за это деньги.

Открывая дверь, продолжала улыбаться. Но вдруг улыбка сползла с моего лица.

Что?! Нет! Опять?

Я захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной. Как он узнал? И зачем пришёл сюда? Если обсудить субботнюю поездку в заповедник, это можно было сделать и завтра в школе. Мы ведь учимся в одном классе.

– Барановская, немедленно открой дверь! – раздался с другой стороны, слегка приглушённый дверью голос.

– И не подумаю, пока ты не объяснишь, зачем припёрся, Логинов!

– Я здесь живу! – вдруг заявил он и несколько раз ударил по двери кулаком. – А вот что ты здесь делаешь? Караулишь меня?

Я даже опешила от того, что он мог предположить подобное.

– Иди на фиг отсюда, – послала почти вежливо. Верить заявлениям Ярослава, что он живёт в этом доме, даже не собиралась

Но Логинов не оценил. Он начал яростно жать на кнопку звонка и вдобавок снова стучать кулаком по двери.

На шум из кухни выскочили Марина с Миленой.

– Что случилось?

Я даже не успела ответить, как они разглядели силуэт за узким окошком и обе расплылись в улыбках:

– Ярослав пришёл.

Логинов ввалился злой и взъерошенный.

– Что она тут делает? – указал пальцем на меня.

– Саша – моя няня, – почему-то начала оправдываться Милена. – А где твой ключ?

– Забыл, – буркнул Ярослав и протиснулся мимо меня, задев плечом. Специально.

– Это мой старший брат, – громким шёпотом прокомментировала Милена, пока этот грубиян поднимался по лестнице.

Судьба явно неблагоприятна ко мне и послала в мою жизнь чересчур много Логинова. Как будто открыла солонку не с той стороны, и вместо щепотки высыпалась целая куча. Теперь мой суп пересолен Логиновым. Он повсюду – в школе, на работе, даже на дополнительных занятиях в школьной газете.

Ну почему он не может быть хоть чуточку приятнее? Как сестра, например.

Настроение пропало. Мы с Миленой без особого энтузи-

азма помогли Марине прибраться кухню и отправились в сад, покачаться на качелях. Качели, кстати, были отличные – широкое сиденье, на котором можно поместиться вчетвером, и большой зелёный тент сверху. Не страшны ни дождь, ни солнце.

– Ты не обижайся на Ярослава, он хороший, – после долгого молчания вдруг выдала моя подопечная.

– Да? – недоверчиво хмыкнула я.

Милена уловила сарказм и бросилась на защиту брата.

– Да! Он добрый, просто...

– Что просто? – мне стало любопытно.

– Он говорит, что мама... – Милена смутилась и замолчала.

Да что ж такое, только мне собрались раскрыть семейную тайну и сразу на попятную.

– Что говорит Ярослав? – я подвинулась ближе к девочке и взяла её за руку. Знаю, что это нечестно манипулировать ребёнком, но желание узнать тайну оказалось сильнее мук совести. Причёмnamного.

Милена огляделась по сторонам, будто боялась, что её кто-то может услышать, а потом серьёзно посмотрела мне в глаза, почти по-взрослому.

– Ты никому не расскажешь?

– Никому, – я постаралась вложить в голос всю убеждённость, которую испытывала в этот момент. Да и кому говорить-то? У меня здесь даже друзей нет. Только эта малень-

кая девочка.

– Поклянись! – это было произнесено так торжественно, что я чуть не рассмеялась. Но сдержалась. Девчушку было откровенно жаль, да и вряд ли я сумею завоевать её доверие, если буду смеяться над тем, что для неё важно.

– Клянусь! – произнесла максимально серьёзно, даже ладонь перед собой выставила.

– Чем? – не отставала малявка.

– Своей пятёркой по русскому, – больше ничего не пришло в голову. Но, к счастью, Милену это устроило.

– Это всё из-за папы... – с тяжёлым вздохом выдала она и продолжила, понизив голос: – Яр, говорит, что мама его сожрала. – и тут же зачастила, вываливая на меня все свои сомнения и размышления: – Но мама не могла его сожрать, она же не чудище, она человек. И папа – человек. И он живой, я сама видела, мы ходили в кафе есть мороженое.

М-да, интересная ситуация.

– А что случилось с твоим папой? Где он?

– Ушёл...

– Почему?

– Они поругались с мамой. Он сказал ей плохое слово.

– Какое?

– Плохие слова нельзя говорить! – убеждённо заявила она.

Вполне логично.

– А если только первую букву? – нашла я вариант.

Милена долго размышляла, хмуря лобик, и наконец вы-

дала мне на ухо, как большую тайну:

– Шэ.

Что ж, буква «шэ» вполне объясняет, почему мама с папой поругались.

– Ты никому не расскажешь? –она наивно заглядывала мне в глаза, надеясь найти там подтверждение моей честности.

– Я же поклялась, – сделала вид, что оскорбилась её недоверием, и девочка сникла.

Бедняжка, все взрослые в этой семье носятся со своими обидами, и никому нет дела до чувств ребёнка. Одиночество этой девочки чувствовалось на расстоянии.

Поддавшись импульсу, я подвинулась ближе и обняла её. Милена, словно только этого и ждала, обхватила меня руками и прижалась изо всех сил.

Ярослав ненавидел семейные ужины, точнее то лицемерие, что они в себе несли. Какая семья? Мать разрушила её. Выжила отца из дома.

Яр бы тоже хотел бы уйти вместе с ним, но не мог бросить мелкую. Сестра была слишком хрупкой. Как розовые фарфоровые чашечки из кукольного сервиза. Милена однажды пригласила его на чаепитие в садовом домике. И Ярослав раздавил чашку, просто чуть сильнее сжав её пальцами. А малявка даже не плакала, наоборот, бросилась утешать

его, что ничего страшного не случилось. Как будто это он должен был расстроиться, что испортил её сервиз.

– Как прошёл день? – поинтересовалась мать, аккуратно отрезая кусочек мяса и изящно кладя его в рот.

– Прекрасно, – кислым тоном отозвался Ярослав, намеренно громко скребя ножом по тарелке.

– Чем вы занимались с Сашей? – родительница переключилась на сестру.

– Мы помогали Марине печь торт, а потом качались на качелях, – мелкая почему-то смутилась, и это ему не понравилось.

– Маменька, – Ярослав знал, что её раздражает это обращение, поэтому намеренно его использовал, – ты зря наняла эту девицу и оставляешь её с Миленой наедине.

Татьяна Викторовна приподняла умело выщипанные и подведённые брови:

– Саша – хорошая девочка и нравится твоей сестре. А я всегда учитываю потребности и предпочтения своих детей.

Теперь закипать начал Яр, потому что мать учитывала потребности и предпочтения лишь одного человека – себя.

– Она моя фанатка. – сарказм исчез из голоса, в нём осталось лишь раздражение, глухое, копившееся внутри на протяжении нескольких месяцев. – Она следила за мной и устроилась в наш дом, только чтобы быть ко мне поближе.

– Ярослав, ты преувеличиваешь, – Татьяна Викторовна была сама невозмутимость, и Яр вскипел.

– Надо дожидаться, когда она начнёт воровать моё бельё из комода? – он схватил стакан и сделал несколько жадных глотков.

– Саша – дочь доктора Барановского, он за неё поручился.

– Ах, доктор Барановский... – Ярослав уже сумел взять себя в руки и теперь вернулся к своей излюбленной тактике – заливать всё вокруг мегалитрами сарказма. – Надеешься, это позволит снова затащить его в постель?

– Вон из-за стола! – Татьяна Викторовна произнесла это негромко, только побелевшее лицо и пальцы, судорожно сжимавшие ножку бокала, показывали, что она в ярости.

Ярослав усмехнулся и, бросив на стол салфетку, подозвал Герду. Пора прогуляться с собакой, заодно и сам проветрится.

После стычки с Логиновым у него дома он вообще перестал меня замечать. Как будто я стала стеклом – прозрачным и неосязаемым. Если вдруг оказывалась на его пути в коридоре школы, он шёл напролом, глядя вперёд поверх моего плеча, приходилось спешно отходить в сторону, чтобы не столкнуться.

Я всё меньше и меньше понимала, что происходит. В какой-то момент мне даже показалось, что Ярослав на меня запал. Иначе, зачем было догонять первого сентября? Может, и зря я ушла с Барчуком. Выслушала бы тогда Логинова, теперь имела бы одной проблемой меньше. А может, и нет. Кто знает, что в голове у этого мажора?

Я старалась делать вид, что меня это всё не задевает. И просто с ним не разговаривала. Даже у него дома. Точнее, особенно у него дома. Если честно, я его избегала. И даже спряталась как-то, когда услышала, что он идёт. И на то у меня были причины.

На следующий день после того, как выяснилось, что Ярослав брат Милены, я шла туда, немного нервничая. Весь день в школе Логинов меня нарочито не замечал. И даже когда я неожиданно оборачивалась, ни разу не встретила с ним взглядом. Не хотелось признаваться, что этот игнор меня расстроил. Но, кажется, это было именно так.

Шла медленно, прогулочным шагом, подсознательно оттягивая приближение к дому. Признаюсь, ночью я думала о том, чтобы отказаться от работы. Но потом обозвала себя трусихой, слабачкой и разными другими столь же нелестными эпитетами. Да и что изменит мой отказ? С Логиновым мы учимся в одном классе. Тогда и школу тоже менять придётся. И как объяснить, почему я хочу уйти, Милене, её матери, моему отцу?

Ну уж нет, Ярослав не дожждётся этого от меня. Если ему не нравится моё присутствие, придётся смириться.

Настроив себя на решительный лад, я нажала кнопку звонка и стала ждать, когда Марина дойдёт из кухни. Но дверь распахнулась буквально через пару секунд. Логинов быстрым шагом, почти бегом, выскочил из дома.

Я, среагировав на открывшуюся дверь, двинулась вперёд. Ярослава заметила мгновение спустя, но было уже поздно. Мы столкнулись как два айсберга в океане. Точнее один айсберг и один «Титаник». Потому что эта холодная глыба засыпала меня ледяным крошечком, а взгляд приморозил к месту.

Было так странно, что его тёплые янтарные глаза способны источать арктический холод. Я подзависла на этом открытии и даже не сразу сообразила, что продолжаю держаться за Логинова. Почти обниматься с ним. Ведь он тоже рефлексивно придержал меня, не давая упасть.

– Ярослав, подожди! Мы не договорили! – донеслось из-за его спины, и из дома вышла Татьяна Викторовна. Увидев

нас, она опешила, быстро-быстро заморгала, словно хотела стряхнуть с сетчатки отразившуюся там картинку.

Логинов, до этого момента также не двигавшийся и как-то странно глядевший мне в глаза, словно искал там что-то, вдруг демонстративно меня отодвинул в сторону и повернулся к своей матери.

– Ну? Теперь ты убедилась, что она мне проходу не даёт? – он прошёл мимо, больше не глядя на меня.

А я стояла с отвисшей челюстью и смотрела ему вслед. Когда наконец повернулась к Татьяне Викторовне, заметила, что у неё такое же выражение лица. Спустя мгновение она встрепенулась и преградила мне путь в дом своим телом.

– Саша, то, что сказал мой сын, это правда? – и уставилась на меня, пристально, не мигая, пронзая насквозь рентгеновскими лучами из своих глаз.

Я замотала головой.

– Это случайность, мы просто столкнулись в дверях. Случайно...

Я была настолько поражена глупой выходке Ярослава, что даже не нашлась, что ответить его матери. Вот ведь гад, и как только язык повернулся сказать обо мне такое?

Татьяна Викторовна повернулась к дому, затем снова посмотрела на меня, казалось, она принимает решение.

– Ладно, – наконец произнесла она, – твои чувства к Ярославу меня не интересуют, пока ты не создаёшь проблем нашей семье. Это понятно?

Я кивнула. Чего уж непонятного.

– Но если ты выкинешь какой-нибудь фортель, немедленно лишишься работы. Более того, я так тебя ослаблю, что никто больше не подпустит тебя к своим детям. Надеюсь, мы друг друга поняли.

Татьяна Викторовна посмотрела мне в глаза долгим взглядом, затем посторонилась, давая пройти.

– Саша пришла! – вниз по лестнице бежала Милена, следом за ней, смешно перебирая толстыми задними лапами по ступенькам, спускалась Герда.

Я не хочу это терять. Хотя и не понимаю, зачем Логинову ставить меня в такое дурацкое положение. Зачем он сказал матери, что я его преследую? Надеялся, что она меня выгонит? Но мы бы всё равно пересекались в школе. И в субботу вместе отправимся на задание.

Ничего не понимаю. А ещё говорят, что это женщины лишены логики. Но, чтобы разгадать поступки мужчин, нужно быть как минимум профессором психологии. А вот я совершенно ничего в них не понимала.

Ярослав собирался к Кристине, когда матери приспичило поговорить. Он ненавидел эти так называемые «разговоры по душам», а на самом деле просто допросы с пристрастием.

Госпожа Логинова желала, чтобы её сын стал юристом, и раз в неделю узнавала, как он продвинулся к осуществле-

нию её мечты. То, что Ярослав хотел быть журналистом, даже не принималось во внимание. «Это идиотская профессия», – так выразилась мать. А как известно, её мнение являлось единственно верным.

Вот и сегодня она завела разговор на любимую тему, демонстрируя сыну список отобранных ВУЗов. Ярослав даже не стал слушать, он молча развернулся и вышел из её кабинета, собираясь смыться из дома, пока мать не сообразила, что добыча ускользает. Но уже в дверях столкнулся с...

В мыслях Логинова было много определений новенькой, в зависимости от того, в каком настроении он пребывал, и насколько давал себе волю. Сейчас он был раздражён, поэтому и Барановская воспринималась только как досадная помеха на пути. Но ровно до тех пор, пока она не покачнулась, практически падая в его объятия. Ярослав рефлексивно вдохнул, ощущая её аромат, мягкий и нежный, как лесная полянка, освещённая солнцем.

Что за наваждение?

У него не было ответа. И несколько секунд он смотрел в её голубые, как небо над морской гладью, глаза, не понимая, что происходит, и как он здесь очутился.

– Ярослав, подожди! Мы не договорили, – в дверях показалась мать, разрушая очарование. Нет, не очарование, чёртов гипноз.

Да что с ним вообще происходит?

Он раздражённо дёрнул плечом и отстранился от девчон-

ки. Что за колдовство? Логинов был зол на неё за то, что так не вовремя появилась на его пути, за то, что снова поставила его в дурацкое положение, за то, что смотрела своими голубыми глазищами так, словно умоляла поцеловать её.

Да пошло оно всё!

– Ну? Теперь ты убедилась, что она мне проходу не даёт? – зло бросил он матери и прошёл мимо Саши, растерянно глядящей ему вслед.

Вот так, в следующий раз будет знать, как вешаться на него. Где там Крис? Ему срочно нужно сбросить напряжение.

Обычно Кристина радовала его своей понятливостью, но сегодня казалась бестолковой и невероятно раздражала. Ему не нравилось то, как она прижимается, хватается его за руку, лезет целоваться.

– Поехали в гостиницу? – спросила Яворская с придыханием. И это стало последней каплей.

Ярослав отстранил её и поднялся со скамейки, на которой они сидели.

– Мне нужно домой, я ещё не сделал уроки, – звучало глупо, и он сам это понимал, но другой причины придумывать не хотелось. Обойдётся и этой.

– Ярослав, но... – Кристина смотрела непонимающе, они оба знали, зачем встретились сегодня вечером. И неожиданный отказ Логинова выглядел, по крайней мере, странно.

– Пока, – он пошёл к своему мотоциклу, стоявшему чуть

в стороне. Надел шлем и помчался вперёд.

Ему нужно было побыть одному и подумать. Или, наоборот, не думать ни о чём. Просто посидеть на берегу, послушать плеск волн. Эх, надо было не Кристину брать с собой, а Герду. Вот с кем они отлично провели бы время.

Ярослав оставил мотоцикл наверху, а сам спустился к воде. Сел на большой камень и замер, полностью растворяясь в тишине ночи. Очнулся только, когда услышал голоса припозднившейся компании неподалёку.

Море успокаивало и очищало. Стоило провести пару часов на берегу, как самые неразрешимые трудности начинали казаться вполне преодолимыми.

Он придумает, как убедить мать согласиться на журфак. А если она всё же заупрямится, Ярослав придумал один вариант, который навскидку казался вполне ничего. Нужно было его обдумать и подготовиться. Но это ещё успеется, впереди – целый учебный год.

Главное – выиграть конкурс и получить публикацию в газете. Конечно, мать могла бы легко помочь с этим, но она и слышать не желала о журналистике. Даже на школьном уровне. Чтобы посещать занятия, Ярославу пришлось выдумать секцию бокса. К счастью, маменьке пока не пришло в голову проверять его алиби.

В субботу тоже, скорее всего, не будет проблем. Главное, чтобы мать не нашла времени приехать на открытие экотропы. Ярослав знал, что ей пришло приглашение. Хорошо, что

сейчас не предвыборная кампания, когда мэров вдруг очень сильно начинает волновать экология.

Думая о субботе, Логинов вспомнил и о той, с кем его отправили на задание. Интересно будет посмотреть на Барановскую вне школы. Какая она? Как себя ведёт? Как одевается?

Вернувшись домой, Ярослав продолжал думать о новенькой.

Верная Герда сидела под дверью, при его появлении вскоčila и радостно завилыла хвостом.

– Хорошая девочка, – Логинов опустилсЯ на колени и на несколько мгновений прижался лбом к собачьей морде. Герда тоже застыла, наслаждаясь лаской.

– Ну что, пойдём перекусим? – хвост радостно застучал по плитке.

Ярослав сделал несколько бутербродов, один из которых тут же исчез в пасти Герды, и собрался уже подняться в свою комнату, как вдруг услышал вопрос, из-за которого чуть не выронил тарелку:

– Зачем ты обижаешь Сашу?

– Что? – Логинов обернулся, непонимающе глядя на свою сестру.

– Саша – очень хорошая, а ты её обижаешь, – мелкая стояла босая, в лёгкой летней пижамке с единорогами, её лицо было насуплено, а брови хмурились.

– Ты чего не спишь? – поднимать эту тему Ярославу не

хотелось, он и сам не мог объяснить, отчего так взъелся на Барановскую, поэтому он включил старшего брата.

– Я тебя ждала, чтобы поговорить, пока мама спит, – с незнакомой Логинову, какой-то взрослой интонацией заявила она.

– Ну садись тогда, – Ярослав поставил тарелку на стол и подтолкнул к Милене. Герда подползла поближе к ней и, ткнувшись холодным носом в голую ногу, жалобно вздохнула.

Логинов налил молока в два стакана и присоединился к сестре.

– Саша – моя подруга, – мелкая никак не желала оставлять тему. И Ярослав вспылил:

– Она тебе не подруга, она – твоя няня. И приходит к тебе только потому, что мама платит ей деньги. Не выдумывай то, чего нет.

Сестра больше не возражала, только тихонько шмыгнула носом, слезла со стула и пошла в свою комнату. Герда, проявляя женскую солидарность, последовала за ней.

У Ярослава пропал аппетит, и он оттолкнул тарелку с бутербродами. Как же его достала эта чёртова Барановская и то, что всё крутится вокруг неё!

Всё, хватит с него, теперь без причины он даже на неё не посмотрит.

В пятницу Коваленко вызвала меня после уроков. Усадила напротив и некоторое время безотрывно смотрела мне в глаза. От этого пристального взгляда стало неудобно, и я опустила взгляд.

– Саша, – начала Мария Анатольевна, – мне показалось, что у вас с Ярославом довольно напряжённые отношения. Почему так случилось?

Я пожалала плечами. Откуда мне знать? Всё началось с разбитого айфона, а потом покатило вниз как снежный ком, разрастаясь и набирая обороты.

И вообще, у меня с этим придурком нет никаких отношений, а его мнение и тем более чувства мне совершенно неинтересны.

– Посмотри на меня, Саша, – попросила классная, и я нехотя подняла взгляд, встретившись с её, серьёзным и почти умоляющим, – этот конкурс очень важен для нас. И для меня, и для Ярослава, и для других членов команды тоже. У каждого свои причины, но победа очень важна для каждого из нас. Надеюсь, и для тебя тоже...

Она сделала паузу, и я поняла, что это был вопрос. Но у меня не нашлось положительного ответа. Для меня этот конкурс ничего не значил, как и победа в нём. Я была чужой на этом празднике жизни, поэтому промолчала. И Коваленко

поняла это.

– Тогда я прошу тебя, пусть ваше недопонимание не помешает работе. Ты умная девушка, а значит, сумеешь поступить правильно, не поддаваясь на возможные провокации...

«Возможные провокации»?! Я едва не выкрикнула это вслух. Хотелось рассмеяться ей в лицо. А вы тот ещё дипломат, Мария Анатольевна.

Но всё же я ничего не сказала, только кивнула. Мне не мешают итоговые пятёрки в аттестате, а Коваленко получит свою победу в конкурсе. И все в выигрыше. Всего-то и нужно – не обращать внимания на нападки Логинова. А это и вовсе не сложно, потому что в последние дни он меня игнорировал. Надеюсь, что и завтра проблем с ним не возникнет.

– Хорошо, – это согласие не стоило никакого труда, потому что я уже приняла решение. Иногда нужно уступить, чтобы одержать победу.

– Пап, мы опоздаем!

– Не опоздаем, – отец отмахнулся и продолжил разговор по телефону: – При таком раскрытии до родов ещё часа два, не меньше... Не переживайте, Ирина Ивановна – отличный врач, она приняла десятки младенцев... Хорошо, я подъеду и посмотрю, как идёт процесс... До встречи, скоро буду.

Он устало вздохнул и положил трубку. Виновато взглянул на меня.

– Но у тебя же выходной! – мне хотелось возмущаться. Вчерашнее предложение поехать вместе со мной в заповедник обернулось надувательством.

– Прости, Саш, – отец смотрел с сожалением, и мне стало неловко, что так наседаю. Он же не виноват, что человеку не терпится выбраться наружу и начать новую жизнь.

– Ладно, поезжай на свои роды, доберусь на маршрутке, – решила проявить снисхождение.

– Мне правда жаль, – он дёрнул меня за тщательно заплетённую косу, и я едва не вспылила. Не люблю, когда портят причёску. Поправила волосы, подхватила рюкзак с камерой и пошла к выходу.

– Саша, – позвал отец, и я обернулась, – ты не обижаешься?

– Нет, – улыбнулась ему и вышла за дверь.

На самом деле я обижалась. Немного, потому что понимала, он не виноват. Но из-за того, что папа обещал отвезти меня, я вышла из дома гораздо позже, и теперь приходилось бежать на остановку.

Несмотря на раннее утро, маршрутка была заполнена под завязку. Отдыхающие ехали на Утриш. Вода там считалась самой чистой, поэтому людей всегда было много. Их не пугала даже запущенность берега, мусорные кучи, отсутствие инфраструктуры и кособокие палатки с сувенирами на каждом шагу.

Я с трудом втиснулась в салон автобуса, бережно держа

перед собой рюкзак, а другой рукой держась за поручень.

Обожаю общественный транспорт в час пик, ни с чем несравнимые ощущения. Я, конечно, не обижаюсь на отца за это путешествие, но в свой виртуальный блокнотик всё же запишу, что он выбрал не дочь, а какую-то рожающую тётку. И прошу заметить, в свой выходной.

Было тесно и душно. Мария Анатольевна и её задание получали от меня всё новые мысленные эпитеты и посылались в дальние пешие маршруты. Я надеялась, что постепенно люди начнут выходить, но пассажиры на остановках только прибавлялись. Почти никто не покидал автобус. И я постепенно смирилась с этим фактом, пройдя через отрицание, гнев, торги и депрессию, то есть за полчаса преодолела все стадии принятия неизбежного.

Из маршрутки вышла помятой, с оттоптаннами кедами и первым делом проверила камеру. Фух, всё в порядке. Можно начинать работу.

Кажется, я опоздала. У неприметной тропы, которая вела к воротам в заповедник, уже толпился народ. Я сделала несколько снимков с разных ракурсов и подошла ближе.

Бабушка в зелёной кепке с эмблемой в виде склонённого от ветра можжевельника рассказывала о правилах поведения. Нельзя кричать, бегать, прыгать, слушать музыку, разговаривать по мобильному телефону, уносить с собой веточки и цветочки. Да уж, сплошные запреты, и зачем вообще сюда пускают людей, если так беспокоятся за сохранность

природы?

Я сделала ещё один кадр старушки-экогида и вздрогнула, услышав у самого уха горячий шёпот:

– Ты опоздала, Барановская.

– Иди нафиг, Логинов, – процедила сквозь зубы, не отрывая объектив от лица. Не хочу даже смотреть на этого придурка.

Весь мой позитивный настрой и убеждённость в возможности мирного сосуществования с этим богатеньким мажором разлетелись как бабочки-голубянки, которых показывала бабушка-экогид. Я повернулась спиной к Ярославу и сделала очередной кадр.

Пока мы шли по тропе, я жадно втягивала запахи леса. Никак не привыкну к этой свежести. Кажется, что от неё кружится голова, и я становлюсь как шальная – фотографирую всё вокруг. Каждый камень, каждый кустик или дерево неповторимы, уникальны, и я снова и снова щёлкаю затвором камеры.

Возле старого можжевельника гид объявил перерыв, большая часть группы упала на скамейки и достала бутылки с водой. Я снимаю их позы, жесты, лица.

Вдруг в объектив попадается Логинов. Он меня не замечает. Ярослав стоит почти вплотную к расколотому молнией дереву и, касаясь одной рукой шершавой коры, что-то наговаривает на диктофон в новом айфоне.

Это просто потрясающий кадр: молодой человек в белой футболке, светло-голубых джинсах, надетой козырьком назад красной кепке, с взъерошенными ветром волосами, загорелой кожей и тысячетлетнее дерево со струящейся лентами корой, отколотой огромной веткой и мягкой зелёной хвоей.

Контраст человека и природы был столь ярок, столь впечатляющ, что я и сама не заметила, как начала снимать. С разных ракурсов, меняя фокусное расстояние, постепенно приближалась к Логинову. И лишь, когда он поднял на меня удивлённый взгляд, поняла, что стою совсем рядом и пялюсь на него через объектив.

Я смутилась, покраснела и сделала вид, что увлечена странным насекомым, похожим на засохшую веточку. Вот дура! Ярослав теперь бог знает что обо мне подумает.

Весь остальной путь старалась держаться от него подальше, но то и дело отыскивала в толпе красную кепку.

Я недоумевала – Логинов словно преобразился. Куда подевалась его заносчивость и язвительность? Он был корректен, предупредителен, помогал пожилым людям подняться по осыпи, придерживал ветки, слишком низко склонившиеся над тропой. Ярослав беседовал с экогидами, задавал вопросы, даже о чём-то спорил, и все выглядели донельзя довольными.

Но самое главное то, как изменилось его лицо. Оно стало... блин, на ум приходит только слово «одухотворённым», хотя я и не хочу его использовать по отношению к Логинову.

Ведь он вёл себя со мной как козёл.

Это точно мой одноклассник? Или его успели подменить, пока я отвернулась, делая очередной кадр?

– Ну как тебе здесь? – он неслышно подошёл, даже подкрался на привале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.